

Зловонье сих злодейств не столь сильно однако,
 Чтоб совесть мертвая проснулась среди мрака
 На мягких тюфяках, в которых не перо —
 220 Младенцев нежный пух, состриженный хитро,
 И кожу снять не грех с невинного дитяти,
 Дабы убийц отца одеть — судейских татей.
 Рвет на себе власы несчастная вдова,
 Невиданную ткань из них соткут сперва,
 225 Последний сей трофей потом послужит катам
 Отделкой пышною на платье их богатом.

Вот судьи каковы, так банда их живет,
 Губители людей, губителей оплот,
 Се лжесвидетелей, клеветников опора,
 230 Защита сводника, укрытие для вора,
 У них в продаже все: душа и голова,
 И власть и приговор, и знанья и слова.

Пора бы свидеться с той Золотой Палатой,
 Богатой золотом, а встарь умом богатой
 235 И правосудием. Теперь там не закон,
 А сила властвует, захвачен славный трон
 Несправедливостью, бесстыдной и лукавой,
 Которая, гордясь порфирию кровавой,
 Не знает отдыха. Теперь с ее очей
 240 Повязка сорвана⁵, и взор свирепый сей
 Способен сбить с пути, влечет куда не надо,
 Где лучших кара ждет, а худших ждет награда;
 Не верь ее весам, златые гири лгут;
 С ней рядом за столом воссел неправый суд: